

IV. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (9)

Билл Бауринг

Между западничеством и славянофильством: подходы к интерпретации российской идеологической истории¹

В этой статье я рассматриваю два важных подхода к пониманию российской идеологии и истории – Карла Маркса и Джереми Лестера – и на основе данного анализа размышляю над извечным российским конфликтом между западниками и славянофилами, русским мессианством и – с начала XX века – евразийством.

Это может выглядеть парадоксальным, но ранние взгляды Карла Маркса были схожи с взглядами западников, однако позже он выучил русский язык и переписывался с русскими революционерами, а также сформировал взгляды, которые в некоторой степени близки идеям славянофилов.

В начале своей писательской карьеры, т.е. в 1851–1852 гг., Карл Маркс (5 мая 1818 – 14 марта 1883 гг.) заявил о своем глубоком неприятии Российской Империи. В работе *Революция и контрреволюция в Германии*, изданной в форме книги в 1912 году под редакцией его дочери Элеоноры Эвелинг (Маркс), он писал о:

«грозной действительности в лице Российской империи – той империи, в каждом шаге которой обнаруживается претензия рассматривать всю Европу как достояние славянского племени и, в особенности, единственно энергичной его части – русских; той империи, которая, обладая двумя столицами – Петербургом и Москвой, – все еще не может обрести своего центра тяжести, пока "город царя" (Константинополь, по-русски – Царьград), который всякий русский крестьянин считает истинным центром своей религии и своей нации, не станет фактической резиденцией русского императора; той империи, которая за последние 150 лет ни разу не потеряла своей территории, но всегда расширяла ее с каждой предпринятой ею войной. И Центральная Европа хорошо знает интриги, при помощи которых русская политика поддерживала новоиспеченную

---

¹ Данная статья является переводом главы 1 из книги: Bowring B. *Law, Rights and Ideology in Russia: Landmarks in the Destiny of a Great Power*. Abingdon, 2013.

теорию панславизма, теорию, изобретение которой как нельзя лучше соответствовало целям этой политики»².

Уже ближе к 40 годам – в 1856–1857 гг. после окончания Крымской войны (октябрь 1853 – февраль 1856 гг.) – Маркс написал *Разоблачения дипломатической истории XVIII века*, опубликованные по частям в издательстве «Free Press» в августе 1856 – апреле 1857 гг.³ Эти статьи были отредактированы его дочерью Элеонорой и уже после его смерти опубликованы в лондонском издательстве «Swan Sonnenschein». На титульной странице этого издания содержатся «отзывы прессы». Отзывом журнала *Вестминстерское обозрение* (он был основан Иеремией Бентамом в качестве официального органа Философских радикалов и публиковался в 1824–1914 гг.) было следующее:

«При всех ошибках Маркса и его экстравагантных оскорблениях высоких политических фигур, невозможно не восхититься силой его ума, смелостью его убеждений и насмешками и презрением ко всему мелкому, ничтожному и низкому. Хотя с того момента, как были напечатаны эти статьи, произошло много значительных перемен, они по-прежнему ценны не только потому, что они освещают прошлое, но и потому, что они проливают яркий свет на настоящее, а также будущее.

В этой книге Маркс подверг критике попустительство Британии в отношениях с Россией:

[...] уже при императрице Анне Англия предавала России своих союзников, а из памфлетов, которые мы теперь приводим, будет видно, что даже до Анны, в ту самую эпоху, когда началось преобладание России в Европе, во времена Петра I, английские писатели понимали планы России и изобличали потворство английских государственных деятелей этим планам»⁴.

Глава IV представляла «общую историю русской политики»⁵. Для Маркса «колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства» и «татарское иго», которое длилось с 1240 по 1480 гг. – иго, которое «не только подавляло, но оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»⁶. По его

---

² Маркс К. Революция и контрреволюция в Германии. http://www.marxists.org/russkij/marx/1852/revolution_counter_germany/index.htm. Последнее посещение 25 июня 2013.

³ Marx K. Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century. Marx-Engels Collected Works. Vol. 15 L., 1856, 1899, 1986. P. 25-96. Изначально опубликовано по частям в издательстве «Free Press» в августе 1856 – апреле 1857 гг. На русском языке доступно здесь: <http://rko.marsho.net/articl/marx.htm>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁴ Marx K. Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century. P. 40.

⁵ Ibid. P. 74.

⁶ Ibid. P. 77.

мнению, целью государственной политики Московии, начиная с Ивана Калиты («денежный мешок», 1288–1340), который использовал сбор дани якобы для татар в целях умножения собственного благосостояния, до Ивана III (Великого, 1440–1505), который собирал русские земли, и Петра Первого, который дал России выход к морю, а также России XIX века, было следующее: «Вторгаться, используя обманным путем враждебную силу, ослаблять эту силу именно этим использованием и, в конце концов, ниспровергнуть ее с помощью средств, созданных ею же самой»⁷. Свою теорию о России он резюмировал так:

«Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала виртуозом в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Первый сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира»⁸.

Заслугой Петра Первого было:

«Только в результате превращения Московии из полностью континентальной страны в империю с морскими границами московитская политика могла выйти из своих традиционных пределов и найти свое воплощение в том смелом синтезе, который, сочетая захватнические методы монгольского раба и всемирно-завоевательные тенденции монгола-властелина, составляет жизненный источник современной русской дипломатии»⁹.

Завоевание прибалтийских провинций, ранее принадлежащих Швеции, с их германской аристократией, дало ему дипломатов и генералов, но также снабдило Россию «чиновниками, учителями и фельдфебелями, которые должны были вымуштровывать русских, придав им тот внешний налет цивилизации, который подготовил бы их к восприятию техники западных народов, не заражая их идеями последних»¹⁰.

Авраам Яссур утверждает, что:

«В 1850-х гг. в понимании Маркса российских реалий российское общество было обществом "полувосточным". Он наблюдал такие характерные черты: господство деспотического суверена, разбросанные деревенские общины, отсутствие преимущественно частной собственности на землю, эксплуатация

---

⁷ Ibid. P. 87.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid. P. 89.

¹⁰ Ibid. P. 91.

деревенских общин бюрократическим, иерархическим аппаратом и т.д. Его категоризация России как "полуазиатской страны" не была лишь публицистической географической метафорой: Россия казалась изолированной от социально-экономической динамики модернизации, примером которой служила Западная Европа. Российские самодержцы – Иваны и Петры – следовали монгольской модели, структурируя развивающееся российское Государство-Империю в рамках пирамидального, централизованного и военизированного деспотизма»¹¹.

В своей работе *Поздний Маркс и путь России: Маркс и «периферии капитализма»*¹² Теодор Шанин рассматривал позднее увлечение Маркса Россией, его самостоятельное изучение русского языка, начиная с 1870–1871 гг., и создание значительной библиотеки русских книг. Как показывает Шанин, в России Маркса привлекал «богатый опыт сельских деревенских общин ("архаичных", но явно живых в мире капиталистического триумфа) и прямой революционный опыт – и все это было пронизано теорией и практикой русского народничества»¹³. Считалось, что Маркс поддерживал народников, и его письма скрывались русскими марксистами – Георгием Плехановым и другими. Наброски рукописей были обнаружены в 1913 году Давидом Рязановым и расшифрованы с помощью Николая Бухарина. Однако они не были опубликованы вплоть до 1923 года¹⁴.

Сам Маркс изначально осудил русское народничество в сноске к первому изданию *Капитала*, но затем удалил сноску и ярко восхвалил в послесловии Чернышевского, автора *Что делать?*, назвав его «великим русским ученым и критиком»¹⁵. Во французском издании *Капитала* он изменил абзац в главе «Тайна первоначального накопления», чтобы показать, что английская форма экспроприации земли у сельского населения применима только к Западной Европе или, другими словами, Восточная Европа и Россия могли пойти совершенно иным путем развития¹⁶.

В своем известном ответе на письмо Веры Засулич (1849–1919) от 8 марта 1881 года¹⁷ Маркс подчеркивал, что экспроприация земледельцев, которую так радикально осуществили в Англии, была «исторической неизбежностью» только в странах Западной Европы.

Маркс продолжал:

---

¹¹ Yassour A. The Later Marx and the Fate of the Russian Obščina // Studies in East European Thought. 1987. Vol. 33. № 1. P. 3-17, здесь p. 8f.

¹² Shanin T. Late Marx and the Russian Road: Marx and «the peripheries of capitalism». L., 1983.

¹³ Ibid.

¹⁴ Wada H. Marx, Marxism and the Agrarian Question: II Marx and Revolutionary Russia // History Workshop Journal. 1981. Vol. 12. № 1. P. 129-150, здесь p. 130.

¹⁵ Ibid. P. 133-134.

¹⁶ Ibid. P. 135.

¹⁷ Маркс К. Письма Вере Засулич / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 19. <http://lib.rus.ec/b/205842/read>. Последнее посещение 25 июня 2013.

«В этом, совершающемся на Западе процессе дело идет, таким образом, о *превращении одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. У русских же крестьян пришлось бы, наоборот, *превратить их общую собственность в частную собственность*.

Анализ, представленный в *Капитале*, не дает, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»¹⁸.

Другими словами, Маркс теоретически принимал то, что у России мог быть свой собственный путь некапиталистического развития, для реализации которого следовало избавиться от уже наличествующих тлетворных влияний капитализма.

Четыре наброска ответа Маркса на письмо Веры Засулич представляют огромный интерес для японских исследователей Маркса. Шизуму Хинада¹⁹ утверждал, что:

«Маркс мог и должен был представить теорию общей проблемы "сельской общины в странах запоздалого капитализма в условиях мировой капиталистической системы" посредством анализа "русской общины" и ее ситуации в целом не только с точки зрения ее счастливого современного состояния, но и с точки зрения того несчастья, которое принесло вторжение западного капитала»²⁰.

По мнению Хинады, Марксу удалось в значительной степени предвидеть ситуацию:

Теория Маркса о том, что противостояние земельного собственника и сельской общины (мира) способствует «общему движению русского общества», следует считать достоинством «первого наброска». Эта теория интуитивно принимает необходимость движения к «Черному переделу»²¹, фактически признавая

¹⁸ Там же. Выделение мое.

¹⁹ Hinada S. On the Meaning in Our Time of the Drafts of Marx's Letter to Vera Zasulich (1881): With Textual Criticism // *Slavic Studies*. 1975. Vol. 20. P. 69-80. <http://eprints2008.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/5050/1/KJ00000113012.pdf>. Последнее посещение 25 июня 2013.

²⁰ Ibid. P. 74.

²¹ «Черный передел» – также партия социалистов и федералистов, революционная народническая организация в России начала 1880-х гг. «Черный передел» был сформирован в августе-сентябре 1879 г. при распаде общества «Земля и Воля». Название связано с распространенным среди крестьян слухом о неизбежном переделе земли между простыми людьми. Они поддерживали масштабную агитацию и пропаганду в массах. Среди

реальное положение «мира», сложившееся благодаря «первоначальному накоплению капитала» в России во второй половине XIX века.

В реальной российской истории, такое «общее движение», которое ожидал Маркс, было реализовано в «движении общего сельского согласия», инициированном рабочими-крестьянами революционным летом 1905 года, а затем в «движениях за власть в губернских комитетах» революционной осенью 1917 года.

Существует еще одна попытка теоретизации России, которая требует серьезного внимания.

После путча в августе 1991 года и распада СССР в ноябре 1991 года Джереми Лестер опубликовал замечательный грамшианский анализ российской политики в 1995 году, в котором он описал «гегемонистские воюющие стороны», сражающиеся за будущее России²².

Было бы ошибкой считать, что Грамши изобрел понятие гегемонии. Лестер, а также Перри Андерсон²³, показали, что еще Георгий Плеханов, а затем Ленин, считали, что данное понятие имеет «огромное стратегическое значение»²⁴. Но если для Ленина гегемония описывалась исключительно в классовых терминах, то у Грамши «поле гегемонистской борьбы было значительно шире»²⁵.

По мнению Лестера, двумя главными воюющими сторонами были западники и русофилы. Для первых Запад олицетворял прогресс и развитие и был единственным способом действительно преодолеть наиболее реакционные элементы российского прошлого²⁶. Как пишет Лестер, сутью коллективной воли западников был «общий способ понимания, который для Грамши был необходимым условием достижения культурно-социального единства, посредством которого могло быть слито воедино множество неоднородных целей»²⁷. Автор добавляет, что господствующей темой в центре гегемонистской стратегии западников был акцент на индивидуализме или даже на *собственническом* индивидуализме²⁸.

Такой взгляд на Россию родился не в конце XX века; его корни лежат в середине XIX века. Лестер ссылается на классическую работу Анджее Валицкого *История русской мысли: от Просвещения до марксизма*²⁹: в главе 8 «Белинский и различные формы западничества» объясняется, почему западники – в отличие от славянофилов – «не сформировали однородное движение с единой связной

организаторов Центральной группы «Черного передела» в Санкт-Петербурге были: Георгий Плеханов, Павел Аксельрод и Вера Засулич. Группа организовала типографию, которая печатала журнал *Черный передел* и газету *Зерно*, а также установила связи со студентами и рабочими.

²² Lester J. *Modern Tsars and Princes: The Struggle for Hegemony in Russia*. L., 1995.

²³ Anderson P. The Antinomies of Antonio Gramsci // *New Left Review*. 1976. Vol. 1. № 100. P. 5-78.

²⁴ Lester. *Modern Tsars and Princes*. P. 3.

²⁵ Ibid. P. 4.

²⁶ Ibid. P. 86.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 82.

²⁹ Walicki A. *A History of Russian Thought: From the Enlightenment to Marxism*. Stanford, 1979.

идеологией и социальной философией... Западничество было лишь широким альянсом потенциально противоречивых течений, общей платформой демократов и либералов, сформированной в 1840-х гг. в противостоянии славянофильству»³⁰.

По мнению Лестера, «возрождением интеллектуального признания современные русофилы в значительной степени обязаны антилиберальной, антизападной реакции, возникшей после 1968 года»³¹. Автор описал набор фрагментированных и очень общих самооценок, пытаясь определить их конкретное и специфическое значение: русофильство как контр-гегемонистский проект, который еще до распада СССР определялся как «объединяющий принцип контрреформ»³². Коллективная воля русофилов объединяет темы самобытности России и яростного антизападничества. Этот проект соединяет в себе понятия уникальности русского народа, почвенности – тесной связи с землей русского народа – и традиционного православного акцента на соборности, которую Лестер объяснил как «органический синтез множества и единства, жажда сплоченного коллектива, вместо атомизированного индивида».

Предшественников этих русофилов можно также обнаружить в XIX веке, когда их еще называли «славянофилами», которых Валицкий описал как «группу идеологов, принадлежащих к консервативному дворянству, чьи взгляды сформировались в конце 1830-х гг. в противопоставление тенденции, известной как "западничество"»³³. Это было не столько солидарностью с братьями-славянами (сербами и т.д.), сколько «культивацией исконных и преимущественно славянских элементов в общественной жизни и культуре древней Руси»³⁴. Они также ориентировались на православие (которое древняя Русь полностью заимствовала у Византии) и его принцип соборности – свободное единство верующих. Они находились в глубокой оппозиции к частной собственности и собственническому индивидуализму, и – подобно Марксу, как я показал выше – находили вдохновение в древнерусской сельской общине, основанной на общем пользовании земли, взаимном согласии и общности жизненного уклада и управляемой миром – советом старейшин, которые принимали решения на основе единогласия и разрешали споры в соответствии со священными традициями³⁵.

Неудивительно, что многие видные философы России вдохновлялись религиозными соображениями. Вплоть до сегодняшних дней наиболее влиятельным из них остается Владимир Соловьев (1853–1900), который разработал целую философскую систему, основанную на работах немецких идеалистических философов. Его целью было объединение всех христиан, за которым последовало бы

³⁰ Ibid. P. 135.

³¹ Lester. *Modern Tsars and Princes*. P. 128.

³² Yanov A. *Russian Nationalism as the Ideology of Counterreform* // *Russian Nationalism Today*. Radio Liberty Research Bulletin (Special Edition). 1988. 19 December.

³³ Walicki. *A History of Russian Thought*. P. 92.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 96.

установление мессианского Царства Божьего на Земле при поддержке российского царя. Молодой историк Константин Алексеев, который специализируется на изучении мысли Соловьева³⁶, пришел к заключению, что Соловьев синтезировал идеи личной свободы, особенно свободу совести, и принципы социальной справедливости в рамках положительного влияния христианской религии³⁷. По мнению Алексеева, это привело Соловьеву к европейскому типу консерватизма, который, сохраняя традиции, не противоречил демократии или социализму.

Он выступал резко против ведущего консерватора Константина Победоносцева, чьи взгляды Соловьев считал опасными³⁸. Кроме того, Анджей Валицкий указывал на то, что Соловьев «критиковал все формы национализма, отвергал славянофильскую идеализацию православного христианства и осуждал преследование национальных и религиозных меньшинств...»³⁹. Таким образом, предвестниками проникнутых религией «гегемонистских воюющих сторон» были славянофилы XIX века. Но более древней традицией в России является мессианство – идея богоизбранности русского народа.

В 2000 году Питер Дункан опубликовал исчерпывающий анализ мессианства, охватывающий всю российскую историю, начиная с 1511 года⁴⁰. По мнению Дункана,

«Русское мессианство, с аналитической точки зрения, можно наделить статусом "национального мифа". В классификации Джорджа Шепфлина это одновременно миф искупления и страдания и миф предопределения⁴¹. Парадоксальным образом сила этого национального мифа препятствовала развитию нации... В отличие от империй в Западной Европе, ни в Российской Империи, ни в Советском Союзе этнические русские не выиграли от того, что были главным структурным элементом государства»⁴².

Следовательно, нам следует обратиться к самим истокам России.

Первые признаки роста России относятся к IX веку нашей эры, когда ее население представляло собой смесь викингов (варягов) и славян. Государство оберегалось тюркской полукочевой аристократией, располагалось на берегах Днепра, а его центром был Киев⁴³. В 978 году Князь Владимир (позднее Святой Владимир) унаследовал корону Руси, благодаря помощи армии, нанятой в Швеции. Влади-

³⁶ Алексеев К. Владимир Соловьев и судьба России: Социально-политические искания третьего пути. М., 2007.

³⁷ Там же. P. 131.

³⁸ Там же. P. 132.

³⁹ Walicki. A History of Russian Thought. P. 373.

⁴⁰ Duncan P. Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and after. Abingdon, 2000.

⁴¹ Schöpflin G. The Functions of Myth and a Taxonomy of Myths // Myths and Nationhood / Ed. G. Hosking, G. Schöpflin. L., 1997. P. 29-32.

⁴² Duncan. Russian Messianism. P. 3.

⁴³ Hosking G. Russia and the Russians: A History from Rus to the Russian Federation. L., 2001. P. 29-33.

мир принял христианство и вступил в союз с Византией, женившись на сестре византийского императора Анне в 988 году. Он расширил Киевскую Русь благодаря военным кампаниям против поляков, болгар и печенегов, а также постановил обратить Новгород и Киев в православие («Крещение Руси»). Согласно «Повести временных лет», «Владимир послал гонцов узнать об учениях и ритуалах ислама, иудаизма, католицизма и православия. Вернувшись, они рассказали, что в католическом ритуале не было красоты, а ислам не позволял употреблять алкоголь... Иудаизм они обошли молчанием, а о божественной православной службе они сказали, что она была настолько красива, "что они не знали, были ли они на небе или на земле"»⁴⁴.

31 мая 1223 года (во время правления в Англии Генри III из династии Плантагенетов) армия Киевской Руси проиграла битву на реке Калка (ныне в восточной Украине) монгольским войскам Чингисхана. В 1240 году монголы захватили Киев и установили контроль над всей территорией Руси больше, чем на 200 лет. Они не столько оккупировали территорию страны, сколько получали дань и полагались на раздоры между русскими княжествами. До того времени незначительное московское поселение стало увеличивать политическое влияние и превратилось в отдельное княжество в 1263 году.

Москва стала духовным центром русского православия. В 1299 году Митрополит Петр избрал Москву в качестве места митрополичьей кафедры Всея Руси⁴⁵. Петр умер в 1326 и причислен к лику святых в 1339 году; церемония канонизации «была направлена на то, чтобы сделать Москву постоянным центром православной церкви на Руси. Его могила стала святыней для всех православных верующих и значительно повысила статус города»⁴⁶. С этого символически важного момента Московское княжество начало расширяться по всем направлениям.

Вскоре Москва смогла бросить вызов монголам. 8 сентября 1380 года армия под командованием князя Московского Дмитрия I (1359-1389) одержала победу над Золотой Ордой во время Куликовской битвы (возле Тулы к югу от Москвы). Однако монгольское правление в России длилось до 1480 года, когда произошло «стояние на реке Угре» – противостояние между ханом Большой Орды Ахматом и великим князем московским Иваном III.

Иван III (1440–1505 – время правления Генри VI в Англии) был первым правителем Москвы, объявившим себя «великим князем Всея Руси», а затем и царем России. После падения Константинополя в 1453 году Москву стали все чаще называть «Третьим Римом».

---

⁴⁴ Ibid. P. 38.

⁴⁵ Ibid. P. 72.

⁴⁶ См. Ostrowski D. Why Did the Metropolitan Move from Kiev to Vladimir in the Thirteenth Century? // California Slavic Studies. 1993. Vol. 16. P. 83-101; Fennell J. A History of the Russian Church to 1448. L., 1995. P. 134-136.

В 1510 году (время правления Генри VIII в Англии) русский православный монах Филофей написал хвалебное письмо царю Василию III (1505–1533), в котором он известил:

«Так знай, боголюбец и христороубец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать»⁴⁷.

Хоскинг пишет: «Таким образом, Москва символически стала как "Третьим Римом", так и "Вторым Иерусалимом" – наследницей Римской Империи и христианской церкви»⁴⁸.

Крепкое основание мессианства в русской идентичности и идеологии обеспечилось поддержкой славянофилов XIX века. Множество работ о вопросе русской национальной идентичности было написано Ольгой Малиновой⁴⁹. По ее мнению, «Запад» является «сконструированным Другим». По ее мнению, на протяжении почти всего XIX века центральным фактором в комплексе проблем, разработка которых сформировала различные «идеи нации», был вопрос о сохранении национальной «самобытности» в условиях «догоняющей модернизации»⁵⁰.

Как отмечает Дункан, классическое заявление об универсалистском русском мессианстве было сделано Достоевским в «Пушкинской речи» в июне 1880 года, которую восторженно приняли как западники, так и славянофилы.

«Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное.

Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только

⁴⁷ Andreyev N. Filofei and His Epistle to Ivan Vasilievich // Slavonic and East European Review. 1959. Vol. 59. P. 1-31. См. также: <http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5105>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁴⁸ Hosking. Russia and the Russians. P. 107.

⁴⁹ Malinova O. Liberal Nationalism: A Historical and Critical Analysis of Conceptions (Research Support Scheme). 2000. <http://nationalism.org/library/science/nationalism/malinova/malinova.pdf>. Последнее посещение 25 июня 2013; Малинова О. Образы Запада и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2. С. 38-59; она же. Национальная самобытность и прогресс: интерпретации «идеи нации» в пореформенной России // Космополис. 2006. № 4. С. 59-83; она же. Конструирование идентичности: возможности и ограничения // Pro et contra. 2007. № 3. С. 60-65; она же. Creating Meanings and Traps: Competing Interpretations of the Idea of Nation in the Debates of Russian Slavophiles and Westernisers in the 1840s // European Review of History. 2008. Vol. 15. № 1. P. 41-54; она же. Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009; она же. Идеи как независимые переменные в политических исследованиях: в поисках адекватной методологии // Полис. 2010. № 3. С. 90-99; она же. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15. № 3-4. С. 106-122.

⁵⁰ Малинова О. Образы Запада и модели русской идентичности. С. 39.

великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей. Если захотите вникнуть в нашу историю после петровской реформы, вы найдете уже следы и указания этой мысли, этого мечтания моего, если хотите, в характере общения нашего с европейскими племенами, даже в государственной политике нашей. Ибо, что делала Россия во все эти два века в своей политике, как не служила Европе, может быть, гораздо более, чем себе самой? Не думаю, чтоб от неумения лишь наших политиков это происходило. О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»⁵¹.

Социальный географ Алистер Боннетт описал тип мышления славянофилов так:

«Славянофилы активно – и в степени, которая была уникальна для "других крупных европейских" наций – отвергали предположение о том, что "европейская цивилизация" по своему характеру превосходила все остальные и что "европейская цивилизация" вообще являлась осмысленной категорией. Поражение России от Британии, Франции и Турции в Крымской войне (1853–1856), а также постоянная неуверенность в том, что Россию когда-либо примут в качестве полностью европейской страны, благоприятствовали тем, кто осуждал вестернизацию в качестве духа отчуждения, материализма и поверхности. В середине и второй половине XIX века славянофильские и панславянские критики высмеивали пустой и инструментальный мир Запада»⁵².

Именно это стало благоприятной основой для возникновения понятия «евразийства» в среде «белой эмиграции» после 1917 года.

Филолог и этнограф князь Николай Трубецкой (1890–1938) написал свою ключевую работу *Европа и человечество* в 1920 (книга была опубликована в Со-

---

⁵¹ Достоевский Ф. Пушкинская речь. <http://www.klassika.ru/read.html?proza/dostoevskij/pushkin.txt>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁵² Bonnett A. Communists Like Us: Ethnicised Modernity and the Idea of 'the West' in the Soviet Union // *Ethnicities*. 2002. Vol. 2. № 4. P. 435-467, здесь p. 444.

фии)⁵³ и вдохновил группу авторов опубликовать *Исход к Востоку* в 1921 году⁵⁴. Трубецкой утверждал, что ни одно европейское государство не может сравниться с Россией, потому что Россия не является нацией в привычном смысле слова, но представляет собой целый континент – Евразию. «Тюркская кровь смешивается в русских венах с кровью угро-финнов и славян», – писал он и указывал на «неевропейское, полуазиатское лицо» России. Как отмечает Марк Бассин, Трубецкой настаивал на том, что существование России «как империи было делом прошлого; русские теперь представляли собой одну из конституирующих "этнографических" групп, которые совокупно составляли мультикультурную фактуру Евразии»⁵⁵.

«Евразия» является не только антизападническим дискурсом; она также дает пространство для примирения между традициями российского православия и ислама. Александр Агаджанян отмечает, что:

«Еще одной культурной структурой является "Евразия" – концепция древнего континентального культурного пространства традиции, противостоящей "атлантической цивилизации" современности. Кроме того, Евразия – это место встречи христианства и ислама. Хотя обычное стереотипное отношение к исламу является негативным, в публичном дискурсе христианство и ислам иногда сближаются. Россия – это уникальная комбинация евразийской цивилизации православных славян и тюрков-мусульман и, следовательно, "западные демократические стандарты невозможно полностью перенести в российскую реальность". Именно так В. Полосин, бывший православный священник, принявший ислам, защищал идею "общественного альянса" двух религий для создания евразийской идентичности»⁵⁶.

Илан Берман констатирует смену курса президента Владимира Путина в направлении евразийства. Он утверждает, что «действительно по всем признакам усиливающийся акцент на геополитике со всех сторон российского политического спектра поднял евразийство до уровня мейнстримной идеологии»⁵⁷. Берман также отмечает растущее влияние доктрины и ее неоднозначного гуру – Александра

---

⁵³ Трубецкой Н. Европа и человечество. София, 1920.

⁵⁴ Люкс Л. Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57-69, здесь с. 58-59.

⁵⁵ Bassin M. Classical Eurasianism and the Geopolitics of Russian Identity. 2001. http://www.dartmouth.edu/~crn/crn_papers/Bassin.pdf. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁵⁶ Agadjanian A. Public Religion and the Quest for National Ideology: Russia's Media Discourse // Journal for the Scientific Study of Religion. 2001. Vol. 40. № 3. P. 351-365, здесь p. 360.

⁵⁷ Berman I. Slouching Toward Eurasia? // Perspective. 2001. Vol. 12. № 1. <http://www.bu.edu/iscip/vol12/berman.html>. Последнее посещение 25 июня 2013. См. также Berman I. Putin's Problem: The War on Terrorism Gets in the Way of the Eurasian Dream. 2002. <http://www.ilanberman.com/5949/putins-problem>. Последнее посещение 25 июня 2013.

Дугина⁵⁸ – на российских чиновников и высокопоставленных должностных лиц и указывает на то, что 13 ноября 2000 года сам Путин заявил, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной». Эту речь можно найти на веб-сайте дугинской партии «Евразия»⁵⁹. Создание Путиным Коллективных сил оперативного реагирования в мае 2001 года и Евразийского экономического сообщества 1 июня 2001 года можно рассматривать как конкретизацию евразийских концептов.

21 июня 2002 года была зарегистрирована дугинская партия «Евразия»⁶⁰. У партии были серьезные соучредители; одним из них был верховный муфтий России и председатель Центрального духовного управления мусульман Талгат Таджуддин. Идеология новой партии отражала *Ревани истории* Александра Панарина – книгу, которая, по словам Гордона Хана, «объединяет черты российской политической культуры: антизападничество, мессианство, прометеизм и антирационализм»⁶¹. Таким образом, по мнению учредителей, Россия «находится в уникальном положении для создания альтернативы технико-экономической глобализации, угрожающей мировой экологии. Учитывая то, что только российская православная цивилизация являет сходство с буддистской, конфуцианской и исламской цивилизациями, только она может объединить их для противостояния усиливающемуся экологическому и культурному загрязнению и росту бедности стран, отставших в гонке глобализации».

Дмитрий Шлапентох приходит к следующему выводу:

«Евразийство относится к направлениям мысли, которые уходят корнями в Россию XIX века: неоднозначность связи с Византийской империей, консервативный панславизм, миф о "желтой угрозе" в период продвижения на Дальний Восток, литературный панмонголизм и азиатство в начале века, движение "Консервативной Революции" в 1920-х гг. и т.д. Евразийство по-своему перефразирует – и зачастую способами, дезориентирующими западную мысль – вопросы российских интеллектуалов об идентичности своей страны и о своей собственной идентичности»⁶².

---

⁵⁸ Дугин был членом радикально антисемитского движения Память и был близок к национал-большевику Эдуарду Лимонову. См. также Kullberg A. From Neo-Eurasianism to National Paranoia: Renaissance of Geopolitics in Russia // *The Eurasian Politician*. 2001. № 4; Yasmann V. The Rise of the Eurasians. 2001. <http://fb.rferl.org/content/article/1344707.html>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁵⁹ «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной». <http://eurasia.com.ru/docs/putin1.html>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁶⁰ См. <http://www.eurasia.com.ru/english.html>. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁶¹ Hahn G. The Rebirth of Eurasianism // *The Russia Journal*. 2002. № 14. http://russiajournal.com/archive/The_Russia_Journal/2002/July/12.07.2002/Analysis/Jul.12-12.pdf. Последнее посещение 25 июня 2013.

⁶² Shlapentokh D. Russia between East and West. *Scholarly Debates on Eurasianism*. Leiden, 2007. P. 193-194.

Как я показываю в последней главе моей новой книги⁶³, идеология путинского режима и его влияние на юриспруденцию и на права человека коренятся в идеологических течениях, рассмотренных в данной статье.

---

⁶³ Bowring. Law, Rights and Ideology in Russia.